

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ по 2-го Сентября 1873 года.
Годъ одиннадцатый. Воскресеньямъ

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1873 г. по 20 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей

№ 31.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

№ 25. Юня 3 д. 1873 г. О 3-й книгѣ составлен-
наго г. Николенко «Пособія для практическихъ занятій
при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимна-
зіяхъ» г. Св. Правит. Синодъ слушали предложенный г.
Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, за № 12,
о допущеніи къ употребленію въ духов. училищахъ въ ка-
чествѣ учебнаго пособия, 3-й книги составленнаго учителемъ
6-й С. Петерб. гимназіи Николенко «Пособія для практи-
ческихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка
въ гимназіяхъ» (С. Петербургъ. 1871 г. Цѣна 80 коп.,
для учебныхъ заведеній 65 коп.). Приказали: Согласно
заключенію Учебнаго Комитета 3 книгу составленнаго учи-
телемъ 6-й С. Петерб. гимназіи Николенко «Пособія для
практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи рус-
скаго языка въ гимназіяхъ» допустить къ употребленію въ
духов. училищахъ, въ качествѣ учебнаго пособия при пре-
подаваніи сего предмета; а чѣмъ, для объявленія правле-
ніямъ духовныхъ училищъ, послать епарх. преосвященнымъ
печатный указъ, съ приложеніемъ, въ копіи, журнала Учеб-
наго Комитета.

№ 16. Апреля 24 дня. 1873 г. О введеніи въ ду-
ховныхъ Семинаріяхъ въ качествѣ учебника: «Исторія
Христіанской Церкви» г. Смирнова. Св. Правит. Синодъ
слушали предложенный господиномъ Оберъ-Прокуроромъ
журналъ Учебнаго Комитета, № 248, о допущеніи къ у-
потребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учеб-
наго руководства, составленной учителемъ Рязанской Семи-
наріи Смирновымъ «Исторіи Христіанской Церкви (2 вы-
пуска. Рязань. 1872 г.)». Приказали: Согласно за-
ключенію Учебнаго Комитета, составленную учителемъ Ря-
занской Семинаріи Смирновымъ «Исторію Христіанской Цер-
кви» ввести въ употребленіе въ духовныхъ семинаріяхъ въ
качествѣ учебника по сему предмету, съ тѣмъ, чтобы авторъ,
при слѣдующемъ изданіи своего сочиненія, исправилъ въ немъ
указанные комитетомъ недостатки; о чѣмъ, для объявленія
семинарскимъ правленіямъ, дать знать епархіальнымъ архі-
ереямъ печатными указами, съ приложеніемъ, въ копіи,
журнала Учебнаго Комитета.

Журналъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, за №
248. Объ Исторіи Христіанской Церкви (2
Выпуска. Рязань 1 72 г.), составленной препода-
вателемъ Рязанской духовной Семинаріи Езира-
фомъ Смирновымъ.

«Исторія Христіанской Церкви», составленная г. Смир-
новымъ, обнимаетъ собою жизнь и дѣятельность церкви
Христовой отъ ея основанія до половины XI вѣка, т. е.
до окончательнаго отдѣленія Римской церкви отъ союза съ
церквію Вселенскою. Въ распредѣленіи церковно-историчес-
кихъ событій по періодамъ, отдѣламъ и даже параграфамъ
составитель строго держался программы Учебнаго Комитета,
утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ. Только въ весьма
рѣдкихъ случаяхъ, хотя, по видимому, безъ всякой нужды,
онъ отступаетъ отъ программы, переставляя одинъ параграфъ
на мѣсто другого. При составленіи своего труда г. Сми-
ровъ, какъ видно, пользовался многими иностранными учеб-
никами, исключительно нѣмецкими. Первымъ и самымъ ка-
питальнымъ для него источникомъ служила Церковная Ис-
торія профессора Дерптскаго Университета Куртца, толь-
ко «не краткая» и не «средняя» а пространная, извѣст-
ная подъ именемъ, *Handbuch der Kirchengeschichte*. Къ
этому главному и первостепенному источнику примыкаютъ у
него нѣсколько другихъ, второстепенныхъ, между которыми
наибольшимъ вниманіемъ составителя пользовалась Церков-
ная Исторія Риттера Герике и Гассе, переведенная на
русскій языкъ подъ редакцію профессора Казанской духов-
ной академіи Соколова. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ отдѣлѣ
апостольскаго вѣка можно заключить, что у Смирнова бы-
ла также подъ руками исторія апостольской церкви Шаффа.

Не смотря однакожъ на разнообразіе источниковъ, съ
разнообразными оттѣнками и направленіями, исторія г.
Смирнова носитъ характеръ единства и обнаруживаетъ зна-
чительную долю самостоятельной переработки. Не отдавая
исключительнаго предпочтенія ни одному изъ нѣмецкихъ у-
чебниковъ, составитель заимствуетъ у каждаго изъ нихъ то,
что находитъ для себя лучшаго и пригоднѣйшаго. Онъ
очень хорошо понимаетъ, что можно взять у нѣмецкаго ав-
тора цѣликомъ, безъ всякаго ущерба для православной ис-
торіи, и что нужно измѣнить или передѣлать, согласно съ
православными взглядами и понятіями. Всякая смѣлая про-
тестантская мысль, всякое даже двусмысленное выраженіе

зорко предусматриваются составителемъ и тотчасъ или направляются въ другую сторону, или замѣняются иными выраженіями, или наконецъ вовсе опускаются. Большая часть трудностей, почти неизбѣжныхъ при передѣлкѣ инославныхъ сочиненій на православный ладъ, можно сказать рѣшительно препоbjждена авторомъ. Тѣмъ не менѣе и у него, какъ бы противъ его воли, проскользаютъ иногда такіе пріемы, которые могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Это особенно нужно сказать о раскрытіи христіанскаго вѣроученія во время аріанскихъ и несторіанскихъ споровъ. Увлечшись пріемомъ нѣмецкихъ историковъ въ изложеніи церковныхъ догматовъ, которые, по ихъ мнѣнію, въ самомъ началѣ находились въ какомъ то хаотическомъ, неопредѣленномъ состояніи и развивались постепенно, такъ что церковь на первыхъ порахъ своего существованія сама не сознавала еще ясно, чему вѣровала, г. Смирновъ, повидимому, самъ склоняется къ этому взгляду и смотритъ на ереси, какъ на необходимое явленіе, при помощи котораго догматы получаютъ опредѣленный видъ и содержаніе, и причина котораго заключается не въ разумѣ, такъ или иначе относящемся къ положительному и неизмѣнному ученію Церкви, а въ самомъ этомъ ученіи, неизбѣжно вызывавшемъ различные споры и толкованія. Приступая, напр. къ изложенію аріанской ереси, Смирновъ такъ перефразируетъ мысль Герике: „вопросъ о Св. Троицѣ, возбужденный въ III вѣкѣ антиринитаріями, на соборахъ противъ нихъ, былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ признаніемъ троичности въ Богѣ“, какъ будто до появленія антиринитаріевъ не было въ Церкви ученія о св. Троицѣ и какъ будто соборы противъ антиринитаріевъ въ первый разъ признали, что въ Богѣ три лица“. *Оставалось теперь, продолжаетъ авторъ, опредѣлить ученіе о взаимномъ отношеніи лицъ св. Троицы. Почему же непременно оставалось, что за необходимость такая? По представленію г. Смирнова, дѣйствительно, выходитъ, что необходимо было опредѣлить ученіе о взаимномъ отношеніи лицъ св. Троицы, потому что мнѣнія объ этомъ догматѣ или о томъ, — признавать ли Иисуса Христа Богомъ въ собственномъ смыслѣ или не признавать, — были въ Церкви весьма различны.* Въ Церкви александрійской, говоритъ авторъ, послѣ борьбы съ Савелліемъ и послѣ многихъ колебаній учителей этой церкви въ рѣшеніи вопроса, *у большинства установилось такое воззрѣніе, что лица св. Троицы, имѣя одно божеское существо и будучи равны между собою по достоинству, въ тоже время имѣютъ отдѣльное одно отъ другаго бытіе*“ (стр. 80. 2 выпускъ). Какія воззрѣнія относительно этого догмата существовали въ другихъ церквахъ, объ этомъ авторъ умалчиваетъ, вѣроятно, потому, что вездѣ господствовало полнѣйшее колебаніе. И вотъ, какъ необходимое слѣдствіе не установившагося еще церковнаго ученія о св. Троицѣ, является ересь Арія. Но такой взглядъ на происхожденіе аріанства не можетъ быть принятъ съ православной точки зрѣнія. По православнымъ понятіямъ, ересь аріанская, какъ и всякая другая, есть явленіе случайное, которое могло быть и не быть, и при всемъ томъ Церковь осталась бы съ тѣми же догматами, какіе она содержала отъ самаго начала и содержитъ нынѣ. Ереси имѣли для Церкви только значеніе отрицательное, представляя ей поводъ точнѣе формулировать свое собственное ученіе, искони неизмѣнно содержимое ею. Въ борьбѣ съ ересями развивалась только внѣшняя сторона церковнаго ученія, подобно тому, какъ развивается съ годами человѣческое тѣло, не умножаясь однакожъ и не уменьшаясь въ

числѣ своихъ членовъ и органовъ. Такъ ставитъ этотъ вопросъ и программа Учебнаго Комитета, которая говоритъ не о развитіи церковнаго ученія а только объ „*опредѣленіи и утвержденіи* его на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, по поводу ересей“. Между тѣмъ у г. Смирнова какъ будто выходитъ, что ереси не только способствовали формальному развитію догматовъ Церкви, но и давали имъ такое содержаніе, котораго они прежде не имѣли, такъ сказать, въ церковномъ сознаніи. Исторія дѣйствительно представляетъ намъ, что аріанское лжеученіе возникло вовсе не изъ той необходимости, какую приписываетъ ему Смирновъ. Не будь Арій человекомъ гордымъ и честолюбивымъ, не встрѣтъ онъ себя соперника въ епископѣ Александрѣ, при соисканіи александрійской кафедры, которой онъ такъ сильно домогался, но не достигъ желаемого, тогда исторія, быть можетъ, не знала бы и самаго имени аріанской ереси, а церковь все-таки признавала бы Сына Божія равнымъ Отцу по божеству. Но эти факты, очевидно, не могли найти мѣста въ исторіи Смирнова, такъ какъ онъ поставилъ себя задачею выяснитъ внутреннее, необходимое развитіе церковнаго ученія. Въ протестантскихъ учебникахъ понятно, съ какою цѣлю это дѣлается; въ православныхъ же можно было бы не касаться этого или по крайней мѣрѣ излагать дѣло безъ всякой односторонности. Точно также г. Смирновъ придаетъ значеніе необходимости и появленію несторіанства, опуская опять изъ виду личныя наклонности Несторія, которому вздумалось затѣять новую ересь. Авторъ такъ начинаетъ свою рѣчь объ этомъ предметѣ: „Къ концу IV вѣка, послѣ борьбы съ разнаго рода еретиками, Церковь раскрыла вполне ученіе олицъ Господа Иисуса Христа, доказавъ, что Онъ есть Богъ и вмѣстѣ человекъ. Оставался только *не выясненнымъ* — продолжаетъ онъ — вопросъ объ образѣ соединенія въ Его лицѣ Божеской и человѣческой природы и взаимномъ отношеніи той и другой. Этотъ вопросъ стоялъ *теперь на очереди*. Разрѣшеніе его должно было послѣдовать въ *близкомъ будущемъ* и дѣйствительно послѣдовало“. Все сказанное совершенно вѣрно, но тутъ опять замѣчается протестантскій оттѣнокъ, взятый на этотъ разъ у Гассе. Что это значить, что вопросъ объ образѣ соединенія двухъ естествъ во Христѣ оставался неясненнымъ и *стоялъ на очереди*? Для кого онъ былъ не ясенъ: для самой ли Церкви или для богословской мысли, для науки? У автора какъ будто выходитъ, что вопросъ о томъ, надобно ли признавать въ Иисусѣ Христѣ Бога и человека вмѣстѣ или отдѣльно Бога отъ человека, какъ два самостоятельныхъ лица, оставался неяснымъ вообще, какъ для Церкви, такъ и для науки; что Церковь въ этомъ вопросѣ, какъ и въ аріанскомъ, раздѣлилась на два лагеря или двѣ партіи, изъ которыхъ одна примкнула къ воззрѣнію александрійской школы и утверждала, что въ Иисусѣ Христѣ одно Богочеловѣческое лицо и, слѣдовательно, Дѣва Марія есть Богородица, другая, примкнувшая къ антиохійской школѣ, учила, что въ Иисусѣ Христѣ два лица, какъ и два отдѣльныхъ естества, слѣдовательно, Дѣва Марія есть челоѣкородица или Христородица, потому что родила простаго человека, съ которымъ нравственно, а не упостасно, соединилось Божество. Представителемъ перваго воззрѣнія является св. Кириллъ Александрійскій, а втораго — Несторій, патріархъ Константинопольскій. Но вотъ что странно: въ то время, какъ этоеъ вопросъ считался неясненнымъ и „*стоялъ*“, по выраженію автора, „на очереди“, оказалось, что онъ давно уже уясненъ и рѣшенъ, и притомъ въ такой средѣ, отъ которой менѣе всего мож-

но было ожидать какихъ либо выпрепныхъ богословскихъ умсрлнй, именно, въ простомъ Константинопольскомъ народѣ. Когда Несторій началъ приводить „богословскія воззрѣнія“ антиохійской школы съ церковной кафедрѣ и сталъ проповѣдывать, что Дѣва Марія не есть Богородица, потому что родила простаго человѣка, то константинопольскій народъ, вмѣстѣ съ клиромъ и монахами, поголовно возсталъ противъ такого лжеученія. Какъ же это объяснить, если вопросъ объ этомъ былъ не уясненнымъ даже для глубокомысленныхъ богослововъ? Г. Смирновъ понимаетъ это затрудненіе и спѣшитъ замѣтить, что Константинополь въ этомъ догматѣ примыкалъ къ Александріи, т. е. яснѣе сказать—къ александрійской школѣ. «Въ Константинополь», говоритъ онъ, «также какъ и въ Александріи, въ противоположность Антиохійскимъ богословамъ, на соединеніе двухъ естествъ въ лицѣ Иисуса Христа *смотрѣли*, какъ на соединеніе существенное въ одно Богочеловѣческое лице и потому... здѣсь *общественнымъ* наименованіемъ преев. Дѣвы Марія было Богородица» (стр. 154, 2 выпускъ). Но объясненіе это все таки оказывается неудовлетворительнымъ; оно не даетъ отвѣта на вопросъ: какимъ образомъ случилось, что богословское воззрѣніе, проповѣдуемое въ Египтѣ, могло до такой степени распространиться въ Константинополь, что сдѣлалось общественнымъ, народнымъ? Конечно, ученые взгляды, въ какой бы части свѣта ни высказывались, быстро усваиваются учеными людьми разныхъ странъ и національностей; но этого нельзя сказать по отношенію къ массѣ, къ народу. Или вотъ другой фактъ. Когда на соборѣ въ Ефесѣ св. Кириллъ вмѣстѣ съ другими епископами осудилъ ересь Несторія, ефесскій народъ съ восторгомъ встрѣтилъ такое рѣшеніе собора и съ триумфомъ проводилъ защитниковъ православія, не смотря на всѣ полицейскіе происки друзей Несторія; а казалось бы, что ефесскій народъ, по своей близости къ Антиохіи, скорѣе долженъ бы былъ усвоить себѣ воззрѣніе антиохійской школы, чѣмъ александрійской, если только это было воззрѣніе школы. Всѣ эти замѣчанія направлены къ тому, что г. Смирновъ, увлекшись пріемомъ нѣмецкихъ историковъ, какъ будто недовольно ясно разграничиваетъ двѣ разнородныя вещи, которыхъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать, именно: положительное ученіе церкви, какъ оно дано Откровеніемъ и сначала хранилось въ общемъ церковномъ преданіи, и научное уясненіе этого же самаго ученія путемъ разума, который въ своихъ воззрѣніяхъ заходитъ иногда за предѣлы богопреданнаго и общепринятаго догмата. Первое, т. е. положительное ученіе Церкви само по себѣ не вызывало такихъ вопросовъ, которые необходимо «стояли на очереди и требовали рѣшенія въ близкомъ или далекомъ будущемъ»; но научное уясненіе того или другаго догмата могло всегда, какъ и теперь еще можетъ, подать поводъ къ разнаго рода вопросамъ, заблужденіямъ, ересямъ. Въ такихъ случаяхъ возникала борьба Церкви съ заблужденіемъ, а не борьба только разныхъ богословскихъ направлений, въ которой Церковь не знала, къ какой сторонѣ примкнуть. По этому сказать напр., что Церковь приняла въ одномъ вопросѣ воззрѣніе Александрійской школы, а въ другомъ—воззрѣніе Антиохійской, неумѣстно въ православномъ учебникѣ. Между тѣмъ у г. Смирнова весь несторіанскій споръ заканчивается тѣмъ, что церковь приняла антиохійское исповѣданіе; только у него, вмѣсто слова „Церковь“, употреблено „императоръ“ и сказано такъ: „императоръ утвердилъ посредствующее антиохійское исповѣданіе“ (стр. 166, 2 выпускъ). По-

чему въ этомъ случаѣ императоръ или, точнѣе, Церковь предпочла воззрѣніе антиохійскихъ богослововъ воззрѣнію Кирилла александрійскаго или, что тоже, александрійскихъ богослововъ,—этотъ вопросъ остался у автора неразъясненнымъ въ данномъ параграфѣ. Видно только, что защитникъ православія, св. Кириллъ, былъ не совѣтъ правъ, но въ чемъ именно, не показано; объ этомъ можно только отчасти догадываться изъ другихъ, слѣдующихъ за тѣмъ параграфовъ, гдѣ идетъ уже рѣчь о монофизитской ереси, вышедшей изъ александрійской школы.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію фактической стороны исторіи г. Смирнова. Надобно вообще замѣтить, что эта исторія отличается полнотою и обстоятельностью историческихъ событій. Она обнимаетъ всѣ вопросы, поставленные въ программѣ, и рѣшаетъ ихъ довольно удовлетворительно, за исключеніемъ немногихъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Сообщаемые въ ней факты большею частію вѣрны, а нѣкоторые даже провѣрены по первоначальнымъ источникамъ, напр. о гоненіяхъ, гдѣ приводятся по мѣстамъ выписки изъ церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго. При изображеніи внутренней жизни церкви авторъ также нередко дѣлаетъ ссылки на постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, относящихся къ тому или другому вопросу. Хронологическія указанія относительно лицъ и событій ни въ чемъ не отступаютъ отъ обще принятой хронологіи. Но и въ фактическомъ отношеніи въ исторіи г. Смирнова встрѣчаются по мѣстамъ недостатки, бездоказательныя предположенія, историческія невѣрности и даже грубыя ошибки. Прежде всего представляется страннымъ, что авторъ, который такъ много разсуждаетъ о мудрой политикѣ Константина Великаго и объ его усердіи къ христіанской Церкви, ни слова не сказалъ о томъ, чтобы этотъ равноапостольный государь былъ фактически христіаниномъ, т. е. принялъ таинство крещенія. Въ одномъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ о Константинѣ: „хотя онъ, т. е. Константинъ, и *не тотчасъ* (послѣ единодержавія) принялъ крещеніе, но уже съ 313 года, можно сказать, сдѣлался настоящимъ христіанскимъ государемъ“ (стр. 5, 2 выпуска); однакожь это *не тотчасъ* такъ и осталось безъ исполненія до самой смерти Константина, и вопросъ о томъ, былъ ли онъ дѣйствительно крещенъ и когда именно, не находитъ себѣ отвѣта. На стр. 71, говоря объ опустошительныхъ набѣгахъ вестготовъ на Италію (452 г.), авторъ приписываетъ имъ между прочимъ разореніе *Venecii*; между тѣмъ какъ этого города въ то время еще и не существовало. Фактъ этотъ, судя по изложенію всего §, взятъ составителемъ изъ одной нѣмецкой хроники, переведенной на русскій языкъ, подъ названіемъ: „лѣтопись церковныхъ событій.“ Въ этой лѣтописи (стр. 206 сказано, что вестготы разрушили въ Италіи Авилею и что жители ея въ ужасѣ бѣжали на острова адриатическаго моря и положили основаніе Венеціи (452 г.). Но авторъ, не вникнувъ вѣроятно въ сущность всего разсказа, вывелъ заключеніе, что варвары разрушили Авилею и *Venecio*. Въ параграфѣ объ аріанской ереси г. Смирновъ положительно утверждаетъ, что виновникомъ аріанства былъ Оригенъ, что «Арій пришелъ къ рѣшенію вопроса о неравенствѣ лицъ св. Троицы, основавшись на ученіи Оригена.» Мнѣніе это, дѣйствительно, начиная съ Неандера, раздѣляется всѣми протестантскими учебниками и сдѣлалось какъ бы непреложною аксіомою. Между тѣмъ исторія ничего не знаетъ о томъ, ссылался ли Арій на Оригена въ защиту своего лжеученія или не ссылался, но что ссылались

на него православные, это фактъ. Самый главный защитникъ православія, св. Аѳанасій александрійскій, всю жизнь свою подвизавшійся словомъ и дѣломъ въ борьбѣ съ аріанами, пользовался доводами Оригена относительно еднотворности лицъ св. Троицы. Гораздо вѣроятнѣе, что исходнымъ пунктомъ для Арія послужило не ученіе Оригена, а Филоновское воззрѣніе на Божественное существо. Позимнѣію Филона, Богъ, живя въ неприступномъ свѣтѣ и славѣ, не можетъ никакимъ образомъ входить въ тесное соприкосновеніе съ нечистымъ міромъ ни посредствомъ его творенія, ни посредствомъ его сохраненія; но Онъ, желая сотворить міръ, совершилъ это дѣло чрезъ другое существо, которое было Слово, Сынъ Божій. У Арія, по свидѣтельству св. Аѳанасія, дѣйствительно, встрѣчается тоже самое безразсудное предположеніе: „Богъ“, училъ Арій, „восхотѣвъ создать тварную природу, увидѣлъ что Его непосредственное дѣйствіе слишкомъ божественно для такого творенія; по этому Онъ въ началѣ сотворилъ единственное существо, которое назвалъ своимъ Сыномъ, своимъ Словомъ и которое, сдѣлавшись посредникомъ между Богомъ и людьми, сотворило всѣ вещи (Аѳан. 2. слов. противъ аріанъ)“. Во всякомъ случаѣ вопросъ объ отношеніи Оригена къ аріанству— вопросъ спорный и не выясненный наукою. Это—одно произвольное предположеніе, придуманное нѣмецкими историками для того, чтобы не допускать никакихъ скачковъ въ послѣдовательномъ историческомъ развитіи церковнаго ученія и ослабить силу церковнаго преданія или, лучше, обратить его въ ничто, предоставивъ все рѣшеніе догматическихъ вопросовъ одному разуму. Если же г. Смирнову непремѣнно хотѣлось поставить Оригена въ связь съ Аріемъ, то ему слѣдовало бы сказать и о томъ, что православные также основывались на Оригенѣ; но на этотъ несомнѣнный фактъ въ исторіи его нѣтъ даже и намека. Далѣе, въ § о Пелагіанской ереси (стр. 134), дѣло Пелагія представляется такъ, будто восточные богословы были однихъ мнѣній съ Пелагіемъ о благодати и если рѣшились осудить его, то только по настоянію западныхъ ученыхъ, Иеронима и Орозія, жившихъ въ Иерусалимѣ, гдѣ былъ въ то время и Пелагій. Но изъ исторіи не видно, чтобы Пелагій, живя на востокѣ, проповѣдывалъ свое лжеученіе въ томъ видѣ, въ какомъ проповѣдывалъ его на западѣ; по этому неудивительно, если восточные отцы, ничего не зная о его ереси, не преслѣдовали его. Когда же они узнали объ этомъ, то немедленно созвали соборъ, но по собственному ли побужденію или по требованіи Иеронима и Орозія, объ этомъ исторія положительно не говоритъ. По этому рѣшительно утверждать, что соборъ созванъ былъ по „настоянію Иеронима и Орозія“, нѣтъ основанія. Вѣроятнѣе всего, что Иерусалимскій епископъ Іоаннъ, тревожимый неясными слухами о пелагіанскомъ лжеученіи, самъ рѣшился созвать соборъ, а Иеронимъ и Орозій, которымъ близко была извѣстна существовавшая лжеученія, явились на соборъ только обвинителями Пелагія, какими они дѣйствительно и были, по свидѣтельству исторіи. Въ § 22 объ иконоборческой ереси высказывается не вполне вѣрная мысль, что иконоборческой императоръ Константинъ Копронимъ „особенно жестоко поступалъ съ монахами, потому что они были самыми ревностными иконопочитателями“. Тутъ вѣрно только то, что монахи, хотя впрочемъ не они одни, заявили себя особенною ревностію въ защитѣ св. иконъ; но причина преслѣдованія ихъ скрываетъ

дѣла гораздо глубже. Константинъ отрицалъ въ себѣ принципъ монашескую жизнь, какъ жалкое сусѣбіе, и потому уничтожилъ самую жестокія мѣры къ искорененію монашества, разорялъ монастыри, принуждалъ монаховъ и монахинь къ вступленію въ бракъ и т. д. Ревность монашествующихъ въ иконопочитанію служила только поводомъ къ ихъ истребленію. Въ § 24 брошена тѣнь на св. Кирилла Иерусалимскаго, будто онъ въ началѣ раздѣлялъ аріанское лжеученіе и послѣ нѣкоторыхъ колебаній между православіемъ и полуаріанствомъ склонился окончательно на сторону никейскаго православія. Протестантскіе учебники, которыми пользуется авторъ, дѣйствительно говорятъ, что св. Кириллъ былъ нѣкоторое время полуаріаниномъ; но это рѣшительно не вѣрно и не подтверждается дальнѣйшею жизнью великаго святителя. Поводомъ къ нареканію со стороны протестантскихъ ученыхъ послужило, вѣроятно, сказаніе историка Созомена о томъ, будто Акакій, епископъ везарійскій, обвинялъ Кирилла въ полуаріанствѣ; но Акакій самъ былъ рьяный аріанинъ и слѣд. не могъ обвинять другаго въ томъ, въ чемъ самъ былъ убѣжденъ. Ошибка Созомена давно уже была замѣчена древними историками, именно Никифоромъ, который положительно говоритъ, что Кириллъ съ самаго начала слѣдовалъ исповѣдавшему еднотворіе. Вѣдѣвъ за такую невѣрностію произошла у Смирнова и другая неточность. По его словамъ, св. Кириллъ подвергался преслѣдованіямъ аріанина Акакія за то, что склонился на сторону никейскаго исповѣданія; но это обстоятельство само по себѣ не могло еще подать повода къ преслѣдованію. Здѣсь опущено изъ виду то, что св. Кириллъ не только самъ лично твердо держался православія, но и ревностно подвизался противъ аріанъ, поддерживаемыхъ Акакіемъ; и за такой подвигъ провелъ всю почти жизнь свою въ изгнаніи, по просякамъ того же Акакія. Въ § 28-мъ о состояніи церковной іерархіи допущена грубая ошибка. Смирновъ говоритъ, что противъ безбрачія западнаго духовенства, введимаго папою Сириціемъ, особенно возставали Амвросій и Августинъ; между тѣмъ какъ эти отцы по преимуществу заботились о распространеніи безбрачія въ западномъ клирѣ. Объ Амвросіѣ медиоланскомъ напр. извѣстно, что онъ съ такою силою проповѣдывалъ о дѣвственной жизни вообще и въ особенности—клириковъ, что многія матери запрещали своимъ дочерямъ слушать его проповѣди и даже запирали ихъ дома. Для объясненія такой странной ошибки, я обратился къ Куртцу, которому въ этомъ случаѣ авторъ исключительно слѣдовалъ. Оказалось, что составитель совершенно превратно передалъ мысль подлинника. У Куртца сказано, что «все знаменитые отцы латинской церкви, особенно Амвросій, Иеронимъ и Августинъ подвизались за безбрачіе въ клирѣ и своими ревностными усиліями достигли того, что клиръ получилъ монашескій характеръ». Но Смирновъ, намѣренно или ненамѣренно, понялъ слова «подвизались за безбрачіе» въ смыслѣ противоположномъ, т. е. подвизались противъ безбрачія. Иеронимъ исключенъ авторомъ изъ числа этихъ отцовъ, вѣроятно во избѣжаніе противорѣчія съ самимъ собою, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ объ Иеронимѣ, какъ о самомъ строгомъ ревнителѣ безбрачія въ народѣ и клирѣ. О преп. Пахоміѣ, основателѣ иноческаго общежитія, высказывается очень странная мысль. По словамъ г. Смирнова, Пахомій потому завелъ общежитіе и подчинилъ его извѣстному уставу, что

былъ человекъ военный, „привыкшій, къ военной службѣ, къ жизни въ обществѣ и притомъ къ жизни правильной, упорядоченной“. То есть—яснѣе сказать, Пахомій хотѣлъ военные порядки примѣнить къ монашеству и ввести въ немъ ту же субординацію, какая существуетъ въ военной службѣ между офицерами и солдатами. Мысль эта, помимо своей тенденціозности, оказывается рѣшительно несогласною съ исторіей. Преп. Пахомій былъ вовсе не такой служилый человекъ и не настолько проникся военными порядками, чтобы могъ смотрѣть на нихъ, какъ на норму иноческаго общежитія. На 18-мъ году жизни онъ взятъ былъ въ военную службу и притомъ противъ своей воли; служилъ въ ней очень не долго, только во время войны Константина съ Ликийемъ, продолжавшейся менѣе двухъ лѣтъ, и стало быть не успѣлъ еще проникнуться военнымъ духомъ. Затѣмъ, едва только окончилась война, онъ немедленно оставилъ военную службу, сдѣлался христіаниномъ и посвятилъ себя подвижнической жизни, подъ руководствомъ строгаго аскета Палемона, съ которымъ провелъ десять лѣтъ въ совершенномъ уединеніи. Послѣ такой школы едва ли могъ остаться въ Пахоміѣ хотя слѣдъ военного пыла, если только онъ когда нибудь былъ въ немъ, и во всякомъ случаѣ нельзя назвать его человекомъ, „привыкшимъ къ военной службѣ и желавшимъ подвизаться въ дисциплинированномъ обществѣ подвижниковъ“. Въ параграфѣ 42-мъ о западномъ монашествѣ Смирновъ также несправедливо говоритъ, будто Бенедиктъ Нурсійскій вмѣнилъ своимъ монахамъ въ обязанность заниматься обращеніемъ язычниковъ. Миссіонерская дѣятельность не имѣлась въ виду при первоначальномъ учрежденіи Бенедиктинскаго ордена; она возложена была на него уже впоследствии папою Григоріемъ Великимъ. Въ параграфѣ 43-мъ объ „ученіяхъ, противныхъ христіанской жизни и церковному благоустройству“, Ювиніанъ изображается въ такомъ видѣ, что трудно судить, какимъ образом и за что онъ попалъ въ число противниковъ церковнаго благоустройства. Говоря объ обращеніи Болгаръ (стр. 369, 2 выпуска), авторъ дѣлаетъ предположеніе, что въ Болгаріи, на первыхъ порахъ ея обращенія въ христіанство, вмѣстѣ съ Меодіемъ былъ и Кириллъ; но это предположеніе положительно отвергается всеми сказаніями, которыя единогласно утверждаютъ, что Кириллъ въ это время, за болѣзнію своею, не могъ быть въ Болгаріи. Онъ проповѣдывалъ Болгарамъ вмѣстѣ съ Меодіемъ въ другое время, нѣсколько позже, именно тогда, когда оба брата путешествовали для проповѣди къ Моравскимъ славянамъ. Тутъ же передается и другое свѣдѣніе, противное историческимъ сказаніямъ. По словамъ Смирнова, Болгары, перешедшіе съ Волги на Дунай и овладѣвшіе придунайскими Славянами, были магометане, между тѣмъ какъ они по вѣроисповѣданію были язычники. Составитель, очевидно, смѣшалъ здѣсь Болгаръ, жившихъ на рѣкѣ Камѣ, съ Болгарами волжскими; первые дѣйствительно держались магометанства, вторые же были идолопоклонниками. Ошибка эта сама по себѣ еще не такъ важна, но на ней основывается другая, болѣе важная. Мнимо-магометанскимъ фанатизмомъ болгаръ авторъ какъ будто хочетъ объяснить ихъ упорное сопротивленіе христіанству и возмущеніе противъ своего князя, Бориса, за перемѣну вѣры; тогда какъ это сопротивленіе и возмущеніе вызвано было въ Болгарскихъ боярахъ тайными происками латинскихъ миссіонеровъ, успѣвшихъ возбудить въ Болгаріи опасенія на счетъ принятія христіанства изъ Византіи, такъ какъ греки, по внушенію

этихъ миссіонеровъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ своей вѣры между Болгарами могли подчинить ихъ и своей политической власти. Въ названіяхъ нѣкоторыхъ личностей у автора нѣтъ однообразія, такъ что одни и тѣ же лица носятъ разные имена, на примѣръ ирландскій монахъ *Колумбанъ* въ одномъ мѣстѣ названъ—*Колумбою* (стр. 48), а въ другомъ—*Колумбаномъ* (стр. 57); *Иларій Пуаттесскій* также называется въ одномъ случаѣ *Пуаттесскимъ* (стр. 100) а въ другомъ—*Пиктавійскимъ* (стр. 244); мать св. Юанна Златоустаго, настоящее имя которой было *Анфуса*, Смирнова безразлично называется, то *Анфизою* (стр. 238) то *Анфузою* (стр. 337). О призваніи и почитаніи Святыхъ авторъ говоритъ, что этого ученія нѣтъ въ священномъ Писаніи, а только въ преданіи (1 вып. стр. 174). На счетъ таинства Евхаристіи онъ высказываетъ разные взгляды Отцовъ церкви, взятыя имъ на этотъ разъ безъ вѣрки изъ исторіи Гассе, и указываетъ между прочимъ на то, будто Климентъ александрійскій, Оригенъ и Тертуліанъ придавали хлѣбу и вину символическое значеніе (тамъ же стр. 174). Но это можно сказать развѣ только объ одномъ Оригенѣ, да и то не совсѣмъ вѣрно, потому что ученіе его объ этомъ предметѣ слишкомъ неопредѣленное. Относительно же Климента и Тертуліана это—чистая выдумка, придуманная тѣми, которые ищутъ въ исторіи подтвержденія своимъ личнымъ мнѣніямъ. Климентъ александрійскій въ своемъ «Педагогѣ» положительно говоритъ объ истинномъ тѣлѣ и крови Иисуса Христа въ Евхаристіи. Тертуліанъ же, точно также какъ и Кипріанъ, о которомъ впрочемъ Смирновъ умалчалъ, хотя и употребляетъ въ своихъ сочиненіяхъ слово «*figura corporis*» для обозначенія тѣла Христова въ Евхаристіи, то подъ этимъ разумѣть вовсе не то, что выводить отсюда реформаты, какъ это ясно доказалъ Меллеръ въ своей патрологіи. Выраженіе «*figura*» у Тертуліана и Кипріана, въ приложеніи къ священнымъ дарамъ, равносильно встрѣчающемуся въ греческихъ служебникахъ выраженію—*ὑπόστασις* съ которымъ соединяется та мысль, что св. дары и по пресуществленіи не теряютъ своихъ естественныхъ свойствъ, какія имѣли до пресуществленія. Впрочемъ, все это вопросы слишкомъ ученые и спорные и затрогивать ихъ въ учебникѣ не слѣдовало бы. Гораздо полезнѣе было бы изложить положительное ученіе древней церкви объ Евхаристіи, но объ этомъ у автора ничего не сказано обстоятельно. Невѣрно также г. Смирновъ приписываетъ «начало богословской науки ученымъ язычникамъ, принявшимъ христіанство» (стр. 175). Вѣрнѣе слѣдовало бы сказать, что ученые язычники, неудовлетворившіеся простою вѣрою Церкви, дали поводъ учителямъ Церкви излагать христіанское вѣроученіе въ научной системѣ. О священныхъ одеждахъ до VII-го вѣка говорится, что цвѣтъ ихъ былъ бѣлый и *черный* (стр. 313, 2 вып.); но черныхъ одеждъ при богослуженіи древняя христіанская Церковь ни когда не употребляла.

Кромѣ указанныхъ неточностей и ошибокъ, въ разсматриваемой исторіи замѣтно не мало опущеній такихъ фактовъ и событій, о которыхъ необходимо было бы знать православнымъ читателямъ. О помѣстныхъ соборахъ, признанныхъ каноническими, не сказано ни слова. Кое-гдѣ упоминаются у автора домашніе соборы (напр. стр. 183, 2 вып.), но что это были за соборы, на это нѣтъ разъясненій. Въ главѣ о духовномъ просвѣщеніи не обращено вниманія на многіе предметы святоотеческой письменности, которые должны быть

извѣстны всякому изучающему исторію Христіанской церкви. Довольно указать въ этомъ случаѣ на то, что изъ творений св. Іоанна Златоустаго вовсе не упомянуто объ его «шести книгахъ о священствѣ»; ничего не сказано о такъ называемомъ символѣ св. Аѳанасія, помѣщающемся во всѣхъ нашихъ догматикахъ и богослужебныхъ книгахъ; имени Григорія Двоеслова вовсе нѣтъ, а есть только Григорій Великій, который у грековъ и у насъ извѣстенъ подъ именемъ *Двоеслова*, равно какъ нѣтъ и объясненій, почему онъ названъ такимъ именемъ. Св. Исидоръ Пелусіотъ представленъ у автора только какъ подвижникъ, но ни слова не сказано объ его литературной дѣятельности. Изъ церковныхъ писателей VI—VIII вѣка упомянуты только Леонтій, Максимъ и Іоаннъ Дамаскинъ и опущены многіе другіе.

Что касается внѣшняго изложенія церковно-историческихъ событій, то оно вездѣ отличается точностію, ясностію и по мѣстамъ даже рельефностію. Языкъ г. Смирнова вездѣ правильный; но его нельзя назвать языкомъ плавнымъ, стройнымъ и легкимъ. Особенно много вредитъ стройности изложенія множество вставочныхъ предложений и искусственная разстановка словъ, хотя и точно передающихъ мысль, но очень затрудняющихъ чтеніе. Въ иныхъ, впрочемъ рѣдкихъ случаяхъ, надобно нѣсколько разъ прочесть одинъ періодъ для того только, чтобы понять связь разныхъ предложений, скученныхъ вмѣстѣ. Такъ наприм. на стр. 54-й (1-го вып.) говорится: «въ первое путешествіе его (т. е. апост. Павла), въ Антиохіи Писидійской, Іудей, вѣроятно, по вліянію начальниковъ синагоги, когда, по убѣжденію ап. Павла, обратилось ко Христу множество обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, подстрекнувъ знатныхъ людей въ городѣ, выгнали изъ своихъ предѣловъ Павла и Варнаву». Или, другой примѣръ: «Тогда какъ одни изъ язычниковъ—говоритъ авторъ—не удовлетворясь собственною религіею, обращались къ христіанству и находили въ немъ удовлетвореніе своему религиозному чувству, другіе, напримѣръ простой народъ, понимавшій религію въ смыслѣ однихъ только обрядовъ, не вида христіанскаго Бога, не находя у христіанъ храмовъ, алтарей и т. п. внѣшнихъ принадлежностей религіи, видѣли въ христіанскомъ обществѣ общество безбожниковъ» (стр. 56, 1 вып.) Или: «Христіанская церковь, какъ всякое религиозное общество, стремящееся при посредствѣ внѣшнихъ дѣйствій, открыто и торжественно заявить свое религиозное чувство по отношенію къ божественному Существо, составляющему предметъ религіи, съ самаго начала своего существованія, въ числѣ другихъ религиозныхъ учреждений, имѣла и свое богослуженіе» (стр. 83, 1-го вып.). По мѣстамъ встрѣчаются выраженія задорныя и вовсе не кстати сказанныя. Такъ на стр. 204 (1 выпуска авторъ говоритъ, что въ первые три вѣка «управленіе епископское не заключало въ себѣ *ничего деспотическаго и насильственнаго*». По чему непременно нужно было ему сдѣлать намекъ на деспотизмъ и насиліе епископскаго управленія—понять трудно; вѣроятно онъ хотѣлъ сопоставить епископскую власть того времени съ епископскою властію послѣдующихъ вѣковъ, которая, надо полагать, заключаетъ въ себѣ много деспотическаго и насильственнаго. Къ этому предположенію приводить и слѣдующія за тѣмъ строки автора. Въ объясненіи того, почему епископское управленіе въ первые три вѣка не было деспотическимъ, онъ говоритъ: «съ одной стороны епископское управленіе имѣло тогда характеръ семейнаго управленія, съ другой—епископъ не былъ единоличнымъ

правителемъ въ церкви, такъ какъ подъ его главнымъ надзоромъ принимали дѣятельное участіе въ управленіи клиръ и міряне». Стало быть, гдѣ епископское управленіе не имѣетъ характера семейнаго управленія и гдѣ не принимаютъ дѣятельнаго участія міряне и клиръ, тамъ оно—деспотическое и насильственное. Относительно клира первенствующей церкви авторъ также совершенно не кстати замѣчаетъ, что тогда «каждый членъ клира самъ заботился о своемъ содержаніи, такъ какъ онъ принималъ на себя извѣстную церковную должность съ однимъ только желаніемъ послужить своему обществу, а не *проживать* на счетъ его средствъ» (стр. 201, 1 выпуска). Выражаясь такимъ образомъ, авторъ какъ бы забываетъ божественное и человѣческое право, по которому служащіе алтарю отъ алтаря и питаются. Съ другой стороны, если бы клиръ и захотѣлъ заботиться о своемъ содержаніи, онъ въ силу самаго своего служенія алтарю, не можетъ заниматься разными ремеслами для пріобрѣтенія насущнаго куска хлѣба. Впрочемъ авторъ самъ на той же страницѣ говоритъ, что клиръ первенствующей церкви «получалъ средства для своего содержанія отъ той общины, къ которой принадлежалъ». Къ чему же, спрашивается, намекъ на то, что клирики тогда не проживали на чужой счетъ? Встрѣчаются иногда выраженія неточныя или недостаточно выясненныя. На стр. 127-й высказывается мысль, что «Кесарь Максентій не преслѣдовалъ систематически христіанъ потому, что *мало заботился* о дѣлахъ правленія и былъ притомъ человѣкъ *развратный*». Отъ сюда слѣдуетъ заключать, что систематическимъ преслѣдованіемъ христіанъ занимались лучше императоры, занимавшіеся дѣлами правленія и неразвратные. У Смирнова дѣйствительно такъ и выходитъ. «Траянъ—говоритъ онъ—и слѣдующіе за нимъ Государи считаются лучшими правителями имперіи; они обращали вниманіе на государственныя дѣла, сами входили въ разсмотрѣніе ихъ, были справедливы и т. п. (стр. 107)». И вотъ эти-то лучшіе и справедливыя государи были жесточайшими гонителями христіанъ. Въ какомъ же смыслѣ они называются лучшими и справедливыми? Эти эпитеты можно приписать имъ развѣ только съ языческой точки зрѣнія. Но отнюдь не съ христіанской. Говоря объ иконоборческомъ соборѣ при Константінѣ Копронимѣ (стр. 218, 2 вып.), авторъ высказываетъ такую мысль, что на этомъ соборѣ, между прочимъ положено было, что иконопочитали возобновляютъ или несторіанство или евтихіанство», но это казуистическое рѣшеніе, къ которому пришли отцы собора, требовало бы разъясненія, иначе оно остается рѣшительно непонятнымъ.

Въ распредѣленіи церковно-историческаго матеріала по §§ г. Смирновъ строго держался программы Учебнаго Комитета; но между §§ не всегда видна у него связь. Сказавъ, напримѣръ, о распространеніи христіанства между славянскими народами, авторъ слѣдующій за тѣмъ § (45), озаглавленный: «распространеніе христіанства между скандинавскими народами», начинаетъ такими словами, взятыми у Риттера: «Уже Карлъ Великій прошедшій съ своими войсками въ Данію, предположилъ устроить архіепископію въ Гамбургѣ и т. д.». Дальнѣйшій § (46), озаглавленный «бѣдствія Церкви», опять начинается безъ связи съ предыдущимъ: «въ IX и X вѣкахъ—говорится—здѣсь восточнымъ церквамъ пришлось испытать много бѣдствій и проч.». Послѣ § о нападеніи неоплатониковъ на христіанъ ставится §; «Христіанскіе апологеты» и начинается такъ: «апо-

логетическія сочиненія христіанскихъ писателей были двоюкаго рода и проч. (стр. 136 1 вып.)". Вслѣдствіе такого разрыва связи между §§ исторія г. Смирнова теряетъ по мѣстамъ характеръ цѣльнаго послѣдовательнаго раскрытія какой либо стороны церковной жизни и превращается въ сборникъ историческихъ статей, распредѣленныхъ въ порядкѣ программы. Есть и такіе §§, которые раскрыты не довольно отчетливо, но такихъ не много, напримѣръ въ первомъ выпускѣ—о клирѣ и мірянахъ (§ 27), о значеніи епископовъ, ихъ правахъ и обязанностяхъ (§ 60). о власти митрополитовъ (§ 60), о взаимномъ общеніи между церквами (§ 65); во второмъ выпускѣ—о церковномъ управленіи (§ 30), о христіанской жизни (§ 39). Въ послѣднемъ § авторъ не перефразируетъ только то, что нашелъ у Куртца.

Но всѣ эти недостатки искупаются положительными достоинствами исторіи г. Смирнова; а достоинства эти очень значительны. Изъ всѣхъ существующихъ у насъ учебниковъ по общей церковной исторіи, это можно сказать, первый и единственный, отвѣчающій программѣ Учебнаго Комитета и приближающійся къ той постановкѣ церковно-исторической науки, какую она должна имѣть въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Какъ выборъ фактовъ, такъ и разработка церковно-историческаго матеріала, могутъ быть удовлетворительными для учебника. Языкъ, хотя и не плавный, но точный, отчетливый и сжатый, также подходит къ качествамъ хорошаго учебника. Но что особенно замѣтно въ исторіи г. Смирнова, это разумное пониманіе задачи церковно-исторической науки. Авторъ не довольствуется простымъ изложеніемъ фактовъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, но старается выяснитъ фактъ и поставить его въ связи съ другими фактами и событіями. У него замѣтно уже стремленіе написать исторію Церкви, которая удовлетворяла бы требованіямъ науки. Это такое достоинство, которое ставитъ исторію Смирнова рѣшительно выше всѣхъ появившихся донинѣ у насъ учебниковъ по этому предмету.

На основаніи всѣхъ этихъ достоинствъ, Учебный Комитетъ полагалъ бы составленную преподавателемъ Рязанской духовной Семинаріи Евграфомъ Смирновымъ „Исторію Христіанской Церкви (2 выпуска 1872 г.)“ рекомендовать для духовныхъ Семинарій, въ качествѣ учебнаго руководства, по предмету Общей Церковной Исторіи, съ тѣмъ, чтобы г. Смирновъ, при слѣдующемъ изданіи своей книги, исправилъ замѣченные въ ней недостатки.

Распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по почтовой части.

Для предоставленія публикѣ возможности вести болѣе дешевымъ и упрощеннымъ способомъ переписку, съ 1872 года установленъ былъ новый родъ корреспонденціи въ видѣ открытыхъ писемъ.

Но съ самаго начала этотъ родъ корреспонденціи далъ поводъ къ злоупотребленію. Начали посылать какъ къ частнымъ, такъ и правительственнымъ лицамъ открытыя письма самаго оскорбительнаго или безнравственнаго содержанія, иногда даже съ неприличными рисунками.

Такія дѣйствія вызвали сильный ропотъ получаютъ елей подобныя письма, и въ министерство внутреннихъ дѣлъ стали поступать ходатайства какъ губернскихъ начальствъ, такъ и должностныхъ и частныхъ лицъ о принятіи какихъ-либо мѣръ къ прекращенію злоупотребленія открытыми письмами.

Первоначально, приписывая значительное появленіе открытыхъ писемъ неопозволительнаго содержанія новизнѣ этого рода корреспонденціи, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало, что время само собою прекратитъ такія дѣйствія; но полуторогодичный опытъ показалъ, что злоупотребленіе открытыми письмами нисколько не уменьшается.

Поэтому, въ видахъ огражденія интересовъ общественныхъ и частныхъ лицъ, управляющій министерство внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ во временныхъ постановленіяхъ по почтовой части статью 16 (объ открытыхъ письмахъ) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Содержаніе открытаго письма не должно заключать въ себѣ чего-либо противнаго законамъ, общественному порядку, нравственности и приличію. Если почтовое учрежденіе усмотритъ открытое письмо съ недозволеннымъ содержаніемъ, то такое письмо не будетъ передано по адресу.“

Мѣстные Распоряженія.

— Утвержденъ въ должности учителя Латинскаго языка въ Виленскомъ духовномъ училищѣ, резолюціею Его Высокопреосвященства 17 Августа за № 145, избранный большинствомъ голосовъ, послѣ прочтенія трехъ пробныхъ уроковъ, студентъ Литовской Семинаріи *Георгій Зеньковичъ*.

Мѣстные Извѣстія.

— О способѣ примѣненія вновь изданныхъ правилъ о раздѣлѣ мѣстныхъ средствъ содержанія между членами причтовъ къ мѣстной Литовской епархіи, будетъ сдѣлано особое распоряженіе Епархіальнаго Начальства.

— **Вакансіи—Священниковъ:** въ с. *Стриговъ*—Кобринскаго уѣзда. **Внедиакона**—при Виленскомъ Каедр. Соборѣ. **Исаюшиковъ:** въ с. *Орховъ*—Брестскаго уѣзда, въ сс. *Киселевичахъ*, *Одрижинъ*, *Въницъ*, *Болотахъ* и *Деревной*—Кобринскаго уѣзда; въ г. *Диснь*—при Николаевской ц., въ с. *Деревной*—Слонимскаго уѣзда, въ с. *Озерахъ*—Гродненскаго уѣзда., въ м. *Ушполь*—Вилкомирскаго уѣзда и въ с. *Рабуинъ*—Вилейскаго уѣзда.

Неофициальный Отдѣлъ.

Изъ м. Оранъ.

По благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, освящена 28-го сего Августа въ м. Оранахъ, Трокскаго уѣзда, военная, артиллерійская, деревянная церковь во имя Пресв. Живоначальныя Троицы. Освященіе совершалъ прикомандированный къ артиллеріи священникъ Уфимскаго полка, Сумеснь Кучеревскій, соборно съ священниками—Саратовскаго полка Андреемъ Братановскимъ, сосѣднимъ священникомъ Олькеникской церкви Іоанномъ Макаревскимъ и однимъ діакономъ изъ г. Вильны. По окончаніи освященія произнесены были многолѣтія:

Государю Императору, Св. Синоду и Пресвященнѣйшему Макарію, Архіепископу Литовскому и Виленскому, Сувалиту, Христоробивому воинству, благоговорителямъ и создателямъ св. храма сего. Послѣ Литургіи Священникъ Кучеревскій произнесъ рѣчь, въ которой, возблагодаривъ Бога за успешное окончаніе св. храма и воздавъ должную дань всѣмъ жертвователямъ, а равно потрудившимся при постройкѣ сего храма, указалъ и на необходимость устройства такового среди иновѣрныхъ. Храмъ этотъ устроенъ на средства артиллеріи Виленскаго военного округа, по мысли и на приношеніи командующаго войсками его высокопревосходительства г. главнаго начальника С. Западнаго вѣд. А. Л. Потапова; при устройствѣ храма, особенно дѣятельное участіе принималъ полковникъ артиллерійскаго окружнаго управленія А. Д. Свинынь, который даже лично принималъ на себя трудъ поновлять иконы и чистить нѣкоторыя церковныя металлическія вещи. Ко дню освященія храма прибыли изъ г. Вильны помощникъ начальника артиллеріи ген-маіоръ Аркадій Ивановичъ Калачевъ, правитель управленія полк. А. Д. Свинынь, подполковники: А. Н. Скрипицынъ и П. Н. Бѣловъ, командиръ 4-ой бат. подполк. С. Пеннинскій и жены прибывшихъ офицеровъ. Церковь была полна какъ военными такъ и многими сторонними прибывшими для сего торжества изъ окрестныхъ деревень.

М. Ораны—сборный пунктъ всей артиллеріи Виленскаго военного округа, приходящей сюда въ лѣтнее время съ 1 Мая для практическихъ занятій, иначе называемое—Виленскій учебный артиллерійскій полигонъ. Мѣсто это получило свое названіе отъ близъ лежащей, (въ 4 вер.) дов. большой деревни Ораны, въ которой находятся костель, волостное правленіе и училище. Оно отстоитъ въ 84 верстахъ отъ г. Вильны и въ 8 верстахъ отъ станціи Варшавско-жельзной дороги Ораны, отбуда для удобства сообщенія полигона со станціею жельзной дороги, на которой, по сему случаю, учреждено почтовое отдѣленіе, проведена въ лагерь шоссейная дорога. Все пространство, находящееся подъ лагеремъ, представляетъ песчаную изрѣдка поросшую небольшимъ сосновымъ лѣсомъ равнину, занимающую въ окружности болѣе 17 верстъ: съ восточной и западной стороны находятся два значительныя озера, а также рѣка Оранка, протекающая среди лагеря. И здѣсь то, гдѣ лѣтъ пять тому назадъ была совершенная глушь, красуется нынѣ скромный, но благолѣпный и по наружному и по внутреннему своему устройству Храмъ Божій, взирая на который невольно припоминается церковная пѣснь: процвѣла есть пустыня яко кринь, Господи, на радость и утѣшеніе всей артиллерійской семьи Виленскаго военного округа, изъ которой каждымъ была принесена въ даръ сему св. храму посильная лепта.

Д. А. Звѣревъ.

— О преміяхъ митрополита Іосифа. Извѣстно, что проценты съ завѣщанныхъ въ 1868 году покойнымъ митрополитомъ литовскимъ Іосифомъ на учрежденіе премій за лучшія сочиненія воспитанниковъ четырехъ духовныхъ академій денегъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: а) первая сумма, полученная съ капитала за прежнее время, передана въ Казанскую духовную академію; б) вторая—въ Московскую; в) третья—въ Петербургскую и Кіевскую, и наконецъ, г) четвертая—

въ Московскую и Казанскую духовныя академіи. Нынѣ, какъ сообщаетъ *Русск. Миръ*, сдѣлано распоряженіе, чтобы названные проценты распредѣлялись и на будущее время поочередно каждый годъ въ двѣ академіи, въ прежнемъ, указанномъ Святѣйшимъ Синодомъ, порядкѣ, по 250 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Оглавленіе седьмой книжки „Мирской Вѣстникъ“

Отд. I. Городъ Назаретъ. (Въ Палестинѣ). (Съ 1 рис.). Св. Полозцевъ. При доброй волѣ и помощи Божіей, всякое исправленіе возможно. (Разсказъ). Отд. II. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства. (Продолженіе). Вредныя послѣдствія крестьянскихъ раздѣловъ. (Крестьянская замѣтка). В. Желнобобовъ. Бѣлгородская Учительская Семинарія. Отд. III. Черное море и значеніе его для Россіи. Глава I. (Историческій очеркъ). Ю. Марковъ. Объясненіе законовъ природы и ея явленій. (Продолженіе). Что такое капельно-жидкое тѣло?—Равновѣсіе воды: а) сообщающіеся сосуды; б) образованіе подземныхъ ключей; в) водопроводы.—Вода, какъ двигатель колесъ въ водяныхъ мельницахъ. (Съ 9 рис.). Верблюдь. Наружный видъ одногорбаго верблюда.—Гдѣ водится верблюдь.—Пища его. Свойства верблюда: выносливость, пргливость, упрямство, и бѣгъ его.—Двугорбый верблюдь. (Съ 1 рис.) А. Мерлянь. Отд. IV. Дядя Андрей; случай на охотѣ. (Разсказъ.) К—овъ. Библиографическія извѣстія. Списокъ подписчиковъ.

Въ этой книжкѣ помѣщены слѣдующіе рисунки: 1) Назаретъ.—2) (Къ ст. „Объясн. закон. природы.“ 9 рис.)—3) Верблюдь; всего 11 рисунковъ.

При этой книжкѣ прилагается подписчикамъ на журналъ „Мирской Вѣстникъ“ согласно условію бесплатно: хромолитографированный снимокъ съ иконы св. Михаила Князя Черниговскаго и краткое изложеніе житія святаго.

Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета.

изслѣдованіе

Н. А. Скабаллановича.

Цѣна сочиненію, съ пересылкою, 1 р. 50 к.

Съ требованіями нужно обращаться на имя автора, въ С. Пбургъ, С.-Петербургскую Духовную Академію, по Обводному каналу.

Содержаніе № 31.

ПРАВИТ. РАСПС. Указъ Св. Синода о книгахъ гг. Николенко и Смирнова. Распоряженіе по почтовой части. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Назначеніе. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Объявленіе. Вакансія. НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ. Изъ м. Оранъ. О преміяхъ Митрополита Іосифа. Объявленія.

Предыдущій № сдать на почту 26-го Августа.

Редакторъ, Священникъ Іоаннъ Котовичъ.